

Женщины, у которых рождаются сыновья, часто страдают от необъяснимого чувства превосходства. Сунь Цзинь, ни во что не ставя Наньгун Ли, неторопливо подняла руку и зажала между пальцами расписную фарфоровую куклу:

— Мелкая дворняжка, я хозяйка поместья и мать наследника. Сегодня ты, девчонка, хочешь или нет, а должна изменить свое обращение!

— Нет! Нет! Отдай мне! — Наньгун Жун тянула свои маленькие ручки, отчаянно пытаясь вырвать игрушку, и кричала так, словно у нее разрывалось сердце.

Эта грубо сделанная фарфоровая кукла была единственным, что осталось ей от рано ушедшей матери.

Женщина с птичьим клювом вместо рта косо поглядывала на несчастную законную дочь поместья. Ее тонкие пальцы нарочито медленно терзали сердце ребенка, создавая ситуацию, от которой та была готова рухнуть.

Чтобы спасти куклу, шести-семилетняя девочка с глухим стуком опустилась на колени и трижды ударила лбом о каменный пол:

— Матушка! Матушка... А-Жун была неправа, у-у-у... А-Жун виновата!

— Ха! Мелкая дрянь, иди ищи свою мамашу! Где она там? Вот и иди к ней!

Сунь Цзинь холодно усмехнулась и легко разжала пальцы. Кукла упала на кирпичный пол и с сухим звоном разлетелась на куски — голова отдельно, тело отдельно.

— Уа-а-а! Уа-а-а-а!

Девочка открыла рот и зашлась в неистовом плаче.

Матушка Ли не выдержала, подняла обломки и стала утешать:

— Барышня Жун, не плачьте, не плачьте... Она разбилась не сильно, мы сможем ее склеить, матушка поможет вам, хорошо?

Хлоп!

— А-а-а!

Внезапно раздался крик боли.

Добрая няня и плачущая девочка подняли головы и увидели, что на чистом лбу наложницы багровеет огромная шишка.

Наньгун Ли, выхватив у кормилицы фарфоровую голову куклы, с такой силой швырнула ее в Сунь Цзинь, словно хотела убить на месте.

Голова разлетелась в пыль. Женщина с птичьим клювом схватилась за ушибленную голову и запрыгала на месте, будто кирпичи под ногами раскалились докрасна.

Зареванная малышка остолбенела.

— Терпеть не могу издевательства.

Склеивать? Плевать на это! Если что и нужно склеить, так это череп этой дряни.

Сунь Цзинь, привыкшая верховодить в поместье, никогда не знала подобного унижения. Но, не смея тронуть принцессу, она указала на Наньгун Жун и взревела:

— Сунь Лу, бей ее по лицу! Бей, пока у этой мелкой дряни все зубы не вылетят!

— Ты!

Наньгун Ли хотела было продолжить спор, но матушка Ли потянула ее назад.

Как наложница, ведающая хозяйством в задних покоях, та имела полное право распоряжаться судьбой Наньгун Жун. Они здесь лишь с визитом и не смогут вечно защищать ребенка. Если они продолжают конфликт, после их ухода девочке придется еще хуже.

Никто не может защищать другого всю жизнь.

— Слушаю, госпожа.

Едва прозвучали слова, как из-за спины Сунь Цзинь вышел крупный, свирепый слуга. Его огромная тень накрыла плачущую девочку, лишив ее света.

Злые люди всегда отмечены печатью порока, и этот был ярким тому примером: две глубокие складки тянулись от носа к уголкам губ, такие глубокие, что в них могла завязнуть муха — зрелище столь же отвратительное, как слюнявая морда шарпея.

Говорят, в любом деле есть свои мастера. Сунь Лу был привезен из дома родителей Сунь Цзинь. Бывалый мастер железной ладони, он, по слухам, одним ударом мог оглушить слугу на оба уха, а забить до смерти парочку девок для него было обычным делом.

К счастью, у Наньгун Жун было две руки, чтобы одновременно прикрыть голову и щеки. Выглядело это, правда, довольно комично.

Ладонь размером с опахало взметнулась вверх, твердая, как кирпич. Если бы она опустилась на нежные щечки малышки, половина лица была бы раздроблена.

Все вокруг зажмурились, желая поглазеть, но боясь последствий.

Плюх!

Кирпич внезапно замер в полудюйме от ушей ребенка, не в силах продвинуться дальше.

В руке Наньгун Ли появился армейский кинжал. Она уверенно держала его, пронзив ладонь слуги насквозь — лезвие вышло с другой стороны, и на кончике его влажно блестела кровь.

Ее Высочество, казалось, была не удовлетворена. Одной рукой она заломила запястье Сунь Лу, схватила за рукоять кинжала и, развернувшись, с силой вбила его правую руку в дверной косяк, еще и провернув лезвие.

Три сухожилия лопнули одновременно — эта рука была искалечена навсегда.

Затем она выдернула кинжал, подбросила его в воздух, поймала и, не удосужившись искать платок, вытерла брызги крови прямо о подол своего богато вышитого платья:

— А вещь оказалась полезной! Кормилица, снаряжение Армии Динбэй действительно стоит своих денег. Не зря они требуют такое жалованье — товар соответствует цене.

Даже если человек прочитал тысячи книг и получил самое строгое воспитание, стоит ему увидеть кровь, как в нем просыпаются первобытные инстинкты. Глядя на нее, все присутствующие замерли от ужаса, боясь даже вздохнуть.

Это и была та самая принцесса-монстр, которая собственноручно отрубила обе руки матушке Чжао.

Она не была создана из шелков, жемчуга и золотых украшений — она была той, кто осмелился приставить Меч Чистого Ветра к горлу командующего Армией Динбэй, собственного мужа.

Когда дело дошло до такого, наконец появился сам маркиз Вэньчан:

— А-Ли, опять ты за свое! Тебе мало того, что ты уже натворила с отцом?

— Тебе мало того, что ты натворил с матерью Жун-Жун? — принцесса фыркнула, и на ее равнодушном лице промелькнула насмешливая улыбка.

Изначально она от всей души любила этого изящного и статного дядюшку. С детства талантливый, не имеющий больших пороков, кроме жадности к деньгам и женской красоте, он всегда встречал людей с улыбкой.

Но маленькой Жун было слишком больно.

Рождение сына — это повод для радости, а рождение дочери — повод для пренебрежения? Разве рождение девочки не радость?

— Дерзкая! Я тебе старший!

Мужчина, привыкший красоваться, никогда еще не был так унижен на публике и чувствовал себя крайне неловко.

— Меч Чистого Ветра карает правителей и казнит предателей. Хотите проверить, дядюшка?

— ... — Маркиз Вэньчан мгновенно умолк, его печень дрожала, как у пойманной цикады.

Все эти годы он вместе с губернатором Лянчжоу Сунь Хунваном тайно присваивал налоги и зерно. Император до сих пор закрывал на это глаза, но теперь вдруг прислал принцессу в Лянчжоу и даровал ей Меч Чистого Ветра. Неужели он решил свести счеты?

Чтобы избежать кровавого финала борьбы между братьями, как это было в прошлой династии, покойный Император У с самого начала установил правило наследования по старшинству. Сам маркиз годами притворялся погруженным в поэзию и далеким от политики, и эта игра давалась ему нелегко.

Ведь мать явно любила его больше, а отец всегда слушался ее. Если бы не ее внезапная смерть...

Раз уж он отказался от трона, неужели он не может взять немного денег?

— Дядюшка, Жун-Жун я забираю. С этого момента она не имеет никакого отношения к поместью маркиза Вэньчан. Даже если она умрет, хоронить ее вы не будете.

Наньгун Ли подняла с земли все еще дрожащую от страха девочку.

— Наньгун Ли, ты взбунтовалась! — маркиз, пылая гневом, бросился вперед, чтобы отнять ребенка. — Моя дочь, живая или мертвая, принадлежит мне! Даже если она пойдет торговать собой, заработанные деньги — мои!

Наньгун Ли даже не сочла нужным отвечать. Она развернула кинжал и с размаху ударила им в сторону маркиза.

Они стояли слишком близко, и никто не успел вмешаться.

Маркиз Вэньчан, дожив до таких лет, впервые испугался девчонки, ощутив первобытный ужас перед угрозой смерти. Девушка с окровавленными руками прижала его к стене и с силой вонзила лезвие рядом с ним.

Все застыли от страха, а особо слабонервные упали в обморок.

Кинжал прошел в дюйме от его лица, скользнув по виску, и вонзился в глиняную стену, оставив снаружи лишь рукоять.

— Дядюшка, в жизни стоит бояться двух вещей: не уметь разбираться в людях и не ценить добро. Должок Жун-Жун я запомнила, как и должки всей провинции Лянчжоу. Советую и вам их запомнить.

Сказав это, она отпустила его, словно выпустила из рук павлина, которого только что душила.

— Хо-хозяин... штаны... мокрые!

В тот момент, когда она отступила, зоркая служанка указала на маркиза и в ужасе прикрыла рот рукой.

Наньгун Ли сделала два шага назад и увидела, что на нижней части одежды мужчины проступило грязное пятно.

Опытные старшие служанки поспешили на помощь. Но скрыть запах было невозможно: вонь от переваренных деликатесов была ошеломляющей, и все вокруг начали зажимать носы.

Наньгун Ли смотрела на это, презрительно фыркнув:

— Дядюшка, ваша фальшивая статья и моя бесполезная монструозность — одного поля ягоды.

Ее голос был негромким, спокойным, исполненным величия принцессы и гнева того, кто стоит выше. В этом равнодушии чувствовалось, что ни любимые вещи, ни тем более человеческие жизни для нее ничего не значат.

В полузабытии Су Лисюэ почувствовала движение в комнате. Она с трудом разлепила глаза и долго пыталась понять, кто это, пока не узнала Ван Вань.

Сегодня староста была одета не как обычно, а в серебристо-жемчужное платье. Чтобы было удобнее, она просто сколола волосы деревянной шпилькой, несколько черных прядей выбились

и мягко падали на щеки, придавая ей нежность.

Раньше она всегда носила зеленые одежды, без украшений, бледная и печальная, чистая и холодная. Теперь же это платье делало ее облик ярким, и от прежней суровости не осталось и следа.

— Очнулась? Насмотрелась? — спросила бойкая девушка.

— Э-э... извини.

Она отвела взгляд, чувствуя себя пойманной на воровстве.

Ван Вань насмешливо улынулась, подошла и просто проверила пульс:

— Хм, генерал не зря зовется божественным воином. Стоило выспаться, и пульс стал гораздо лучше.

Затем она повернулась и продолжила приводить в порядок комнату, которая выглядела так, будто в ней бушевал ураган.

Су Лисюэ посмотрела на полог кровати — не может быть... Где она?!

— Мы... как мы вернулись?

Она с трудом заставила себя сесть, ухватившись за край кровати.

— Похоже, у тебя действительно был бред от жара, — сказала Ван Вань. — Ты подхватила эпидемию, сама не знаешь?

— А?

Су Лисюэ моргнула, съежилась на краю кровати, подняла брови и посмотрела на нее с таким детским, жалким видом, что Ван Вань стало одновременно смешно и грустно.

— Жар не спадал, по всему телу были кровоизлияния. Доктор Ли сказал, что это очень похоже на эпидемию, но, к счастью, это не она.

— А... а?!

— Генерал, у вас есть в запасе слова, кроме «а»?

— Другие... — Су Лисюэ на мгновение задумалась, а потом внезапно запаниковала: — Ты, ты, ты — уходи! Ты не можешь здесь оставаться! Уходи, уходи, уходи!

Ван Вань выпрямилась и посмотрела ей прямо в глаза:

— В Армии Динбэй одни мужики. Если я уйду, кто будет за тобой ухаживать?

— Ты...

Ее острые глаза внезапно расширились, паника стала еще сильнее.

— Генерал, возможно, вы не в курсе, но Ли Миньгуань — ученик самого Чжан Цзина из Императорского медицинского управления. Вашу личность он распознал, как только коснулся

пульса.

— Тогда... я... я...

Только теперь человек на кровати осознал, что одежда на нем сменена. Она в панике натянула одеяло до подбородка, дрожащими руками сжимая край, и выражение ее лица было таким скорбным, что сердце разрывалось.

Ван Вань тихо вздохнула, подошла и нежно погладила Су Лисюэ по голове, успокаивая:

— Одежду сменила я. Генерал, не волнуйтесь, я клянусь своей жизнью, что ни один третий человек об этом не узнает.

— Ты убила Ли Миньгуаня?! — внезапно выдала генерал.

— Нет, нет, нет... — Ван Вань подумала, что ее логика, привыкшая к постоянным убийствам, работает как-то иначе. — В общем, четвертый человек тоже не узнает, так пойдет?

Она была на два года старше Су Лисюэ, ей было уже за тридцать. Женщина за тридцать, повидавшая мир и его горести, умела понимать боль в чужом сердце.

Грозный генерал в ее глазах внезапно превратился в милого, непослушного маленького ребенка.

Какие же у нее мягкие волосы! На ощупь как пух новорожденного щенка, такие тонкие и нежные, вызывающие бесконечную симпатию.

Старики в горах говорят, что люди с мягкими волосами — доброго нрава.

Десять лет в армии, обманывая весь мир — как же труден был этот путь.

— Генерал, почему вы сами себя загнали в такую ловушку? С вашим происхождением, даже если отца и братьев больше нет, ваша мать — уважаемая госпожа первого ранга. Стоит ей сказать слово Императору, и вы могли бы стать чиновником где угодно. Даже стать придворной дамой в городе Сюаньхоу не составило бы труда. Не нужно служить, идти на войну — разве это не хорошо?

— Но быть девушкой — это не приносит счастья.

Тень ненависти промелькнула в ее острых глазах.

— Сестра Ван, я хочу, чтобы каждый жил счастливо и спокойно. Иначе ради чего Армия Динбэй бросает дома и рискует жизнью? Но девушки так страдают, особенно когда делают то, что предписано их полу — выходят замуж, рожают детей, чувствуя себя лишь инструментом. А когда они берут в руки меч, печать чиновника или государственную печать, занимаясь тем, что «не подобает» девушкам, они вдруг начинают жить как люди.

— Почему так происходит? — спросила Ван Вань.

— Потому что они не принадлежат сами себе.

Люди с настоящим характером всегда обладают особой смелостью, которая формирует их уникальность. Перед этой твердой и одинокой душой любая грубость или острота отступали.

Раз она выбрала этот путь, она была готова ко всему.

Су Лисюэ потерла виски, где пульсировала боль, и посмотрела на закат за окном:

— Как долго я спала?

— Недолго, вчера днем заместитель командира Тан принес вас со спины с горы, — ответила Ван Вань.

— Помню, оставался последний дом, который мы не проверили.

Ван Вань покачала головой:

— Мы так его и не нашли.

Су Лисюэ накинула одежду и попыталась встать с кровати, но внезапно перед глазами все поплыло, и она снова упала.

— Генерал!

Ван Вань так испугалась, что едва не прикусила язык, поспешно подхватила ее и приложила тыльную сторону ладони к ее лбу.

— Такая горячая... Я позову доктора Ли.

— Стой.

Человек на кровати схватил ее за тонкое запястье, опустил голову и глубоко вздохнул.

Затем она встала и вышла во двор. Увидев фигуру в черных доспехах, все присутствующие слегка удивились. Су Лисюэ взяла корзину, наполненную рисом и углем, и взвалила ее на спину:

— Сестра Ван, найди мне проводника.

<http://bllate.org/book/20270/2022430>